

Научная статья

УДК 811

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10310

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ АНТИНОМИИ «ДРУЖБА — ВРАЖДА» В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ПАРЕМИЙ

Анастасия Викторовна Кандыбина

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, av.kandybina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения этнического мировоззрения в семантике языковых единиц. В исследовании описаны общие и специфические структурно-семантические и стилистические особенности русских и чешских паремий в рамках антиномии «дружба — вражда». Рассмотрены пословицы и поговорки с основным компонентом значения «образ животного», «религиозные представления», «явления природы». Выявлены наиболее частотные образы, участвующее в формировании семантического ядра данных паремий разных славянских языков. Обнаружены преобладающие конструкции, определяющие структурную организацию паремий родственных линвокультур.

Ключевые слова: лингвокультурология, паремия, дружба/вражда, антиномия, пословица, поговорка, язык, культура

Для цитирования: Кандыбина А. В. Особенности объективации универсальной антиномии «дружба — вражда» в семантике русских и чешских паремий // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 72—78. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10310.

Original article

FEATURES OF THE OBJECTIFICATION OF THE UNIVERSAL ANTINOMY “FRIENDSHIP — ENMITY” IN THE SEMANTICS OF RUSSIAN AND CZECH PAROEMIAE

Anastasiya V. Kandybina

Volgograd State University, Volgograd, Russia, av.kandybina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of reflecting the ethnic worldview in the semantics of linguistic units. The study describes the general and specific structural-semantic and stylistic features of Russian and Czech paremic units within the framework of the antinomy “friendship — enmity”. Proverbs with the main component “animal image”, “religious ideas”, “natural phenomena” are described. As a result, the most frequent images participating in the formation of the semantic core of paremias of different Slavic languages were identified. The predominant constructions, that determine the structural organization of the paremias of related linvocultures, are discovered. The dominant features of the worldview picture of the world of the compared ethnic groups are established, which are fixed in the elements of the paremiological fund of the Russian and Czech languages.

Keywords: cultural linguistics, paremia, friendship/enmity, antinomy, proverb, language, culture

For citation: Kandybina AV. Features of the objectification of the universal antinomy friendship-enmity in the semantics of Russian and Czech paroemiae. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(3(461):72-78. (In Russ.).* doi: 10.47475/1994-2796-2022-10310.

Полипарадигмальность современной науки о языке и тенденция к интеграции различных областей научного знания привели к возникновению и стремительному развитию ряда меж-

предметных дисциплин. Интенсивное проникновение психологических, социологических, этнокультурных, когнитивных, антропологических элементов в поле лингвистических исследований дает богатый материал для расширения

круга наук, смежных с языкознанием. В этом отношении лингвокультурология приобретает актуальность и значимость как дисциплина, изучающая сложный симбиоз языка и культурного сознания носителей этого языка. Обращаясь к данному вопросу, Е. Е. Юрков называет лингвокультурологию «своеобразным “интегратором” научных поисков, посвященных проблемам взаимодействия языка и культуры» [10. С. 5].

Стремление исследователей найти нити взаимовлияния языка и культуры привело к различным трактовкам соотношения этих понятий. Закрепленное лексикографическими изданиями классическое определение языка преподносит человека как единственного субъекта, которого обслуживает языковая система, «предназначенная прежде всего для целей коммуникации» [8]. Следовательно, языковые единицы включают в свой состав систему идей, понятий и воззрений человека, в том числе культурно окрашенных. Как утверждает Е. В. Перехвальская, «культура — это мысли людей, а также действия и результаты этих действий» [7. С. 17]. Каждый индивид как представитель того или иного народа помимо персонализированных установок имеет в своем сознании общую систему ценностей, характерную для всех членов взятой этнической группы. Именно здесь культура начинает взаимодействовать с языком, стремясь получить распространение и закрепление в его единицах. Обращаясь к рассматриваемой проблеме, И. Г. Ольшанский пишет: «Культура — часть картины мира, закрепленной в языке» [6. С. 14].

Интенция исследователей-лингвистов к расшифровке культурного кода того или иного народа через знаки языковой системы приводит к необходимости поиска областей, которые содержат элементы, имеющие наиболее «культуроносную» сущность. Одной из таких сфер признается паремиологический фонд языка, включающий в свой состав пословицы и поговорки [4. С. 79]. Под паремией мы понимаем небольшое по объему идиоматическое высказывание, главной функцией которого является дидактическая; паремия может иметь различные формы выражения. Паремии являются своего рода прецедентными штампами и обладают символично-метафорическим, образным, эталонным значением в речевом дискурсе. По словам В. О. Чернощековой, «их употребление упрощает процесс общения, экономя силы коммуникантов, что служит подтверждением существования соответствующей стереотипной, культурно обусловленной информации в сознании представителей определенного этноса» [9. С. 83].

Однако зашифрованная в пословицах и поговорках информация может иметь полностью или частично эквивалентное значение в разных языках. В связи с данным феноменом возникает интерес к сопоставительному изучению паремий разных языков, что обуславливает прогрессирующее развитие сравнительной лингвокультурологии.

Особенный интерес в данного рода исследованиях представляет изучение родственных языков, имеющих общую праоснову, генетическую базу. В этом отношении пословицы и поговорки разных родственных языков служат источником необходимой для сопоставления информации. В. М. Мокиенко утверждает: «... Жанр пословицы предполагает бережное сохранение культурных и языковых традиций...» [5. С. 7]. Слово сочетание «языковые традиции» позволяет говорить о наличии в паремиях языкового ядра, заложенного изначально, но подверженного в некоторых языках трансформации. Именно этим объясняется зарождение славянской сравнительной паремиологии.

Особую ценность в данном отношении представляют понятия, отражающие наиболее значимые для человека аспекты жизнедеятельности, так как они обнаруживают непосредственную связь с универсальными антиномиями. Язык по своей сущности — «система живая, и как средству межкультурной коммуникации языку присущи такие качества, как спонтанность и антиномичность» [3. С. 257]. Обычно антиномии трактуются как системный феномен в языке, внутренние законы языка, которые обуславливают его саморазвитие [См., напр.: 1]. Опираясь на данное определение, можно сказать, что язык строится на сочетании противоположностей, выражающих две предельные стороны одного явления, составляющих в совокупности гармоничное единство. Поэтому в различных разделах лингвистики нередко применяется способ исследования в рамках антиномий: «антиномичный подход оказывается наиболее адекватным самому объекту изучения (языку) и обеспечивающим надлежащую эффективность исследования и надежность его результатов» [2. С. 3]. В связи с этим исследование антиномий в рамках паремиологического пространства является обоснованным и перспективным.

В настоящей работе предметом изучения послужили структурно-семантические особенности русских и чешских паремий в рамках универсальной антиномии «дружба — вражда». Общеизвестность, широкий функциональный потенциал и активное употребление в речевой практике пословиц и поговорок, принадлежащих к рассматриваемому

«антиномичному полотну», открывает обширное поле для исследования проблем взаимовлияния этнокультурной информации и языка.

Антиномия «дружба — вражда» фиксирует систему ценностей, которая выражает взаимоотношения между людьми. Человек как социальное существо имеет потребность в контакте с обществом; в некоторых ситуациях этот контакт является необходимым условием жизнедеятельности. Необходимость общения с другими людьми часто приводит к возникновению конфликтных точек, которые могут послужить началом враждебных отношений между членами социума. С другой стороны, полное соответствие одного субъекта общения ожиданиям другого приводит к взаимной симпатии и доверию. В связи с этим представленность рассматриваемой антиномии в произведениях народной словесности отличается пестротой и разнообразием.

Использование *образов животных* часто служит наиболее точным средством выражения вражды или дружбы, так как характерное качество животного способно интегрировать семантические оттенки явлений, выражающих различные степени симпатии или антипатии. Например, в русском языке употребление лексемы *крылья* в паремии «*Птицы сильны крыльями, а люди дружбой*» дает представление о самой важной для птиц части тела. В данном контексте дружба рассматривается как необходимое явление в жизни человека. При этом параллелизм понятий выражается при помощи композиции противопоставления с союзом *а*, наличие которого позволяет не повторять идентичное сказуемое дважды, во втором предложении оно опускается, что приближает семантические образы, делает их единым компонентом значения. В данном случае понятие дружбы не завуалировано, как, например, в пословицах: *Свои собаки грызутся, чужая не суйся; Два медведя в одной берлоге не живут; Ближняя собака скорее укусит*. В подобных паремиях не используется лексема, обозначающая понятие амбивалентной пары. Это понятие не лежит на поверхности, его необходимо открыть, обнаружить, вычленить из общего «смыслового сгустка».

Известно, что в сознании русского человека образ собаки имеет «амфотерную» ассоциацию. С одной стороны, это животное характеризует такие качества, как верность и ум, с другой — агрессию и злость. Обычно вторая группа особенностей поведения лежит в основе паремий, репрезентирующих вражду. Например, представленные выше пословицы и поговорки выполняют дидактическую, предупреждающую функцию.

Об этом свидетельствует глагол в повелительном наклонении «*не суйся*»; при этом он имеет просторечный оттенок, что придает пословице усиленную коннотацию. Здесь заключена своего рода мораль: при чужом конфликте следует соблюдать дистанцию, не вмешиваться. Особо отметим случаи, когда образ животного уточняется за счет прибавления квалифицирующего компонента, чаще всего выраженного прилагательным: *ближняя собака*. В данном словосочетании значимость приобретает зависимый компонент, значение поговорки снова сводится к предостережению: близкий человек при ссоре может сделать большее, чем посторонний, так как ему известны самые тайные уголки души.

В чешской лингвокультуре частотными являются образы волка и овцы как универсальные репрезентанты вражды и дружбы: *Jest na něho laskav, co vlk na berana* (Любезен, как волк с бараном); *Neměj nikdy nepřítelů za ovci, a vždy za vlka* (Никогда не принимай врага за овцу, но всегда за волка). Противопоставление данных животных в последней пословице дает четкое представление об отношении человека к своему врагу; раскрывается палитра сопутствующих эмоций: ненависть, недоверие, тревожность, подозрительность.

Кроме того, в чешском языке активно используются лексемы, обозначающие названия насекомых, особенно в структурной организации противопоставления: *Za včelkou na med, a za ovadem na vřed* (От пчелки мёд, от овода укусы). Характерные свойства пчелы и овода помогают показать оппозицию характеров и индивидуальных качеств человека, определяющих его поведение.

В русской лингвокультуре одночастные паремии могут вступать в отношения семантического противопоставления. Например, поговорки: *Агнец с бараном — едино племя* и *Конь корове не товарищ* — являются антонимичными по значению. Выражение положительных отношений между людьми осуществляется при помощи лексемы старославянского происхождения *агнец*, что придает пословице оттенок возвышенности. Кроме того, можно выделить системные и контекстуальные синонимы: *друзья — едино племя*, *друг — товарищ*.

Следует отметить, что в чешском языке поговорки с одночастной структурой отражают определенные закономерности животного мира: *Nepřizývej vlka ku pomoci na psy* (Не зови волка на помощь собаке); *Velké ryby malé požírají* (Большая рыба ест маленькую); *Vlk koží platí* (Волк платит кожей). Метафорическое перенесение законов природы на жизнь людей становится распространенным примером образования чешских паремичных выражений.

Религиозные представления обычно регулируют сферу контактов между людьми, что позволяет говорить о расширенных семантических границах паремий с данным компонентом. В русском сознании воплощением всеобъемлющей дружбы является Бог, проявляющий любовь и заботу как основные компоненты дружеских взаимоотношений: *Друг о друге, а Бог обо всех*. Важно отметить, что истинная дружба возможна только со стороны божественных сил, на что указывает структура противопоставления. Кроме того, если человеку угрожает опасность в мирской жизни, Бог становится покровителем, помощником, оберегающим от врагов: *Враг хочет голову снять, а Бог и волосы не даст*. Интересно, что внутри паремии используется фразеологическое словосочетание *снять голову*, которое демонстрирует связь между фразеологией в узком смысле и паремиологией.

В чешском паремичном фонде обнаруживаются эквивалентные по значению пословицы и поговорки, репрезентирующие отношение Бога к людям как высшее проявление дружбы: *Kde člověk není, tam bůh pomáhá* (Где человек бессилен, там помогает Бог). Такого рода паремии как в русском, так и в чешском языке расширяют понятие дружбы, указывая на качества, сопутствующие данному явлению: забота, взаимопомощь, понимание, любовь и др. Однако встречаются среди чешских единиц пословицы, в которых верный друг приравнивается к Богу или действует совместно с ним: *Přítel příteli bůh* (Друг другу бог); *Dokud bůh a dobří přátelé ničeho se báti netřeba* (Пока Бог и добрый друг рядом, нечего бояться). Во втором случае зависимая часть использует придаточное времени, что ограничивает временные границы спокойной жизни.

Душа как элемент, аккумулирующий перечисленные духовные субстанции, часто служит показателем дружеских отношений. Например, в пословице: *Dvě, tři věrní přátelé, jedna duše v rozdílném těle* (Два, три верных друга — одна душа в разном теле) — свойство души находится в одном теле метафорически переосмысливается при помощи сравнительного оборота, что указывает на единство мировоззрения и ценностных установок настоящих друзей. В то же время вражда всегда приводит к отрицательным последствиям для души, обрекает ее на страдание, вечные муки: *Klneš-li bližního, duši svou v základ dáváš* (Проклинать ближнего — свою душу в заклад давать). Использование формы от глагола *klítí* и лексемы *duše* в рамках одной паремии указывает на совмещение языческих и христианских понятий.

С религиозной точки зрения в русской лингвокультуре самыми главными врагами в жизни человека являются дьявол и грехи, нарушение заповедей: *С людьми мирись, а с грехами бранись*. В данном случае композиция противопоставления снова подчеркивает превосходство внутренней духовной борьбы с греховностью над земными недоговоренностями между людьми. Особого комментария требуют паремии, использующие библейские образы: *Адам Евы послушал да яблочко скушал*. Выражение христианских представлений через употребление имен собственных позволяет за малым количеством языковых единиц «запечатать» целую прецедентную ситуацию. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-чок* в слове *яблочко* и разговорная словоформа *скушал* в сочетании с союзом *да* придают поговорке саркастический оттенок.

В чешском языке борьба с представителями антибожественных сил представляется подобно русскому языку высшей степенью вражды: *Svojně a společně přemfžem i čerta konečně* (Совместно можно победить и черта). Тем не менее общий союз, объединение единомышленников способны преодолеть любые трудности. В пословице прослеживается явная отсылка к идее христианского единства, коллективной молитвы, собора.

Паремичные единицы, раскрывающие **природные образы**, в русском языке представлены через лексемы *гора, ночь, месяц, вьюга* и др. Наиболее ярко противопоставленность объектов природы и человека как социального существа выражена в русской пословице *Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется*. Взаимонаправленные отношения субъектов, выраженные моделью N+ с N5, усиливают антиномичность структуры. Человек воспринимается в качестве способного на компромисс рефлексировующего элемента коммуникации. В большей степени здесь представлены возможности установления контакта между людьми, чем дружественные отношения. Однако отсутствие данных способностей может привести к отсутствию гармоничного взаимодействия. Личная неприязнь одного человека может нейтрализоваться уравновешенностью другого: *Всю ночь собака на месяц пролаяла, а месяц того и не знал*. Лексема *месяц* служит репрезентатором образа неконфликтного человека.

В чешской лингвокультуре дружба может рассматриваться в широком понимании и выражать оптимальную степень симпатии и дружелюбности, достаточную для поддержания нейтрального межличностного контакта. Например, в паремии:

Jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá (Как лес зовет, так и он отзывается) — через лексему *les* представляется такое явление, как эхо, отражающее «золотое правило нравственности».

В русском языке сущность неискренней дружбы проявляется в пословице со сложной структурной организацией: *В друге стрела, что в пне; а в себе, что в сердце*. Совмещение сравнительных оборотов и противопоставления частей паремии дает яркое представление о безразличии к близкому человеку, на первое место ставятся собственные благополучие и здоровье. Данный эффект достигается за счет лексической пары *пень — сердце*, которая в приведенном контексте становится антонимичной. Лексема *сердце* употребляется и с лексической единицей *вьюга* в пословице «*Без друга на сердце вьюга*». Однако в данной поговорке постулируется необходимость дружбы в жизни человека, а природное явление символизируется с грустью, вызванной отсутствием дружеских отношений.

В чешском языке отмечается «ложная дружба», которая вызвана потребностью в получении выгоды, поэтому отличается кратковременностью и нестабильностью, на что указывает сравнительный оборот *jak v březnu led: Mířené přátelství jak v březnu led* (Намеренная дружба как мартовский лед). Уточняющее словосочетание констатирует свойства именно весеннего льда.

В чешской лингвокультуре вражда может выражаться в словесной форме: *Lidská mluva, mořská vlna* (Людская молва, как морская волна). Происходит метафорический перенос стихийности природного явления на возможное неожиданное негативное обсуждение какого-либо поступка, совершенного человеком. Частотностью отличается лексическая единица *kámen*, несущая негативную семантическую нагрузку и ассоциирующаяся либо с орудием борьбы: *Kdo do tebe kamenem, ty do něho chlebem* (Кто на тебя с камнем, ты на него с хлебом), либо с отрицательными чертами характера: *Uhodila kosa na kámen* (Угодила коса на камень). В первом примере представлена структура развертывания со схемой: *Kdo do tebe..., ty do něho...*, — раскрывающая особенности народного мировоззрения: устранить конфликт можно мирным путем. Вторая паремия имеет полностью эквивалентные семантические и структурные свойства с русской поговоркой *Угодила коса на камень*, что указывает на возможный общий паремичный «прафонд» славянских языков.

Таким образом, анализ исследуемого материала показал, что понятия вражды и дружбы мо-

гут быть выражены при помощи разнообразных языковых единиц, позволяющих проследить особенности отражения национальной специфики в семантике русских и чешских паремий. Среди паремий с семантическим центром «образ животного» отмечается использование образов *волка* и *собаки* в качестве репрезентантов враждебных отношений в обеих лингвокультурах. Вражда раскрывается через сопутствующие особенности характера и темперамента человека, что обычно выражается сравнительными или противопоставительными конструкциями. В чешском языке особое распространение получают образы разнообразных *насекомых*, поведенческие черты которых позволяют символически осмыслить влияние характера человека на установление контакта с членами социума.

В религиозном аспекте обнаруживаются полностью эквивалентные семантические звенья: как в русском, так и в чешском языке отношение Бога к людям олицетворяет идеал истинной дружбы; грех же как отвержение Божьих заповедей представляется главным врагом человека, с которым необходимо вести борьбу. В первую очередь это объясняется общими христианскими постулатами, составляющими базу как для римско-католической, так и для православной ветвей христианства. Однако выявлены и особые элементы в значении паремий: в русском мировоззрении особую роль приобретают прецедентные христианские имена; в чешском выявляется семантика отождествления истинного друга и Божественных сил. При этом в русском языке ярко выражена ироническая коннотация, подчеркиваемая при помощи структурной организации поговорки с союзом *da* в значении *и*. В чешском сознании человеку возможно оказаться на одной ступени с Богом, что нехарактерно для русского мышления, где Бог всегда предстает недоступным.

В паремиях, использующих природные образы в качестве метафорических элементов значения, в русском языке представлены структуры сравнения и противопоставления, а также совмещения данных конструкций. Выявляется такая особенность человека, как способность к мирному урегулированию конфликтной ситуации или полному игнорированию инициатора ссоры. В чешской лингвокультуре отмечено такое понятие, как «ложная» дружба — завуалированное использование приятеля в корыстных целях, для личной выгоды.

В целом релевантной характеристикой рассмотренных паремичных единиц является «консервирование» в их составе реалий, которые отражают

уникальный мир русской и чешской действительности и помогают передать колорит национальной культуры. Выбор языков разных славянских групп в качестве объекта сравнительного изучения открывает новое поле для исследования языковой системы.

Список источников

1. Голембовская Н. Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 26 с.
2. Грузберг Л. Антиномия. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_2 (дата обращения 20.09.2021).
3. Егорова С. Б. Павел Флоренский об антиномиях языка // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 1. С. 256—262.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 78—90.
5. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6—20.
6. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров. М., 2000. С. 14—30.
7. Перехвальская Е. В. Этнолингвистика: учеб. для акад. бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 351 с.
8. Русский язык: энциклопедия / сост. Ю. Н. Караулов. 2-изд., перераб. и доп. М.: Бол. Рос. энцикл., 1997. 722 с.
9. Чернощекова В. О. Лингвокультурный аспект пословиц // Язык и культура. 2009. № 1. С. 80—85.
10. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012. 56 с.

References

1. Golembovskaja NG. Lingvokul'turnye antinomii v russkikh i litovskikh paremijah = Linguocultural antinomies in Russian and Lithuanian paremics. Abstract of thesis. Volgograd; 2014. 26 p. (In Russ.).
2. Gruzberg L. Antinomija = Antinomy. Available from: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_2 (accessed 20.09.2021). (In Russ.).
3. Egorova SB. Pavel Florensky on the antinomies of language. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta = Bulletin of Saratov State Technical University*. 2006;(1):256-262. (In Russ.).
4. Maslova VA. Linguoculturology as a science of the most culture-bearing linguistic entities. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki = Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2014;(16):78-90. (In Russ.).
5. Mokienko VM. Modern paremiology (linguistic aspects). *Mir russkogo slova = The world of the Russian word*. 2010;(3):6-20. (In Russ.).
6. Ol'shanskij IG. Lingvokul'turologija v konce XX veka: itogi, tendencii, perspektivy = Linguoculturology at the End of the 20th Century: outcomes, trends, perspectives. In: *Leengvisticheskie issledovaniia v kontce XX v. = Linguistic research at the end of the twentieth century*. Moscow; 2000. Pp. 14—30. (In Russ.).
7. Perehval'skaja EV. Etnolingvistika = Ethnolinguistics. Moscow: Jurajt; 2016. 351 p. (In Russ.).
8. Russkij jazyk: enciklopedija = Russian language: encyclopedia. Moscow: The Great Russian encyclopedia; 1997. 722 p. (In Russ.).
9. Chernoshhekova VO. Linguocultural aspect of proverbs. *Jazyk i kul'tura = Language and culture*. 2009;(1):80-85. (In Russ.).
10. Jurkov EE. Metafora v aspekte lingvokul'turologii = Metaphor in the aspect of linguoculturology. Abstract of thesis. St. Petersburg; 2012. 56 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Кандыбина — студентка 4-го курса бакалавриата направления подготовки «Филология» (профиль «Отечественная филология») Института филологии и межкультурной коммуникации (кафедра русской филологии и журналистики).

Information about the author

Anastasiya V. Kandybina — 4th year student of the bachelor's degree in the direction of training "Philology" (profile "Domestic Philology") of the Institute of Philology and Intercultural Communication (Department of Russian Philology and Journalism).

Статья поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 31.10.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 31.10.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.